

Конец света отменяется

Автор:

Илона Волынская

Конец света отменяется

Илона Волынская

Кирилл Кащеев

Детективное агентство «Белый гусь» #12

Лето на носу! Но Кисоньке Косинской не до отдыха – Матвей Соболев, восходящая звезда шоу-бизнеса, решил, что только она достойна быть его девушкой. Горе-певец устраивает ночные концерты под окнами и караулит бедняжку возле школы. Папа решил помочь дочке – отправить Кисоньку и Мурку вместе с друзьями на море, в Бердянск. Но там девочку поджидает проблема посложнее навязчивого поклонника: сначала на ребят падает холодильник, потом за ними гоняется вооруженный диковинным ножом неизвестный в плавательной маске. И чутье детективов просто вопит: где-то рядом готовится преступление...

Илона Волынская, Кирилл Кащеев

Конец света отменяется

Глава 1. Не заказанный концерт

– Мы живем в самом дорогом районе города! У нас закрытая стоянка во дворе и консьержка в холле! – шепотом сказала мама. Лицо ее в свете луны казалось

бледным и мерцающим, точно у призрака, а глаза были темные, трагические и страшные, как у ведьмы. – Неужели в таком приличном доме не найдется ни одного порядочного вооруженного бандита, чтобы застрелить мальчишку?

– Ты сама не захотела покупать квартиру в элитной новостройке! – сбрасывая с головы подушку, яростно прошипел папа. Ударившая с улицы звуковая волна заставила его мучительно сморщиться и снова прикрыть ухо подушкой. – Хотела чтоб соседи – университетские профессора и конструкторы с ракетного завода! Вот поэтому у нас и нет ни одного порядочного бандита! – с явным сожалением закончил он.

Они замерли во мраке, тесно, как напуганные дети, прижавшись друг к другу и прислушиваясь к пробивающимся сквозь плотно закрытое окно звукам.

– Твои охранники не согласятся его убить? – простонала мама.

– Если побудут тут у нас ночки две, наверное, согласятся. – Болезненно усмехнулся папа.

Мама медленно легла на спину и вытянула руки вдоль тела. Бледность и темные круги под глазами делали ее похожей на покойницу.

– Еще две ночи я не выдержу. – Обреченно прошептала она.

За окном на миг воцарилась тишина, но они знали, что счет покою идет на секунды и сейчас все начнется сначала. Стекло содрогнулась от акустического удара. Мама глухо вскрикнула и сжалась в комок.

– Любовь выше облаков! – взревело во дворе. И следом раскатистая дробь насмерть избитой палочками ударной установки и мученический вой истерзанного саксофона. – Я для тебя на все готов! О Элла, моя девочка-Синдирелла, Золушка моя, нежна-а-я...

– Он всерьез считает нашу дочь Золушкой? – на измученном мамином лице мелькнула тень возмущения. – Кем он себя возомнил?

– О Элла, хищная Кисонька-кошка, помаши мне пушистым хвостом...

- Попаду я в дурдом. - Безнадёжно закончила мама.

- В твоих зеленых глазах - черная ночь! Никто не в силах тебе помочь... - надрывались на улице и стекла слабым дребезжанием отвечали на рев усилителей.

Родители невольно кивнули - никто! Бедная девочка.

- Чего нам на самом деле не хватает, так это пенсионерки-общественницы. - Пробормотал папа, успокаивающе поглаживая плечо жены. - Пенсионерки-общественницы круче любого бандита, они - непобедимы.

- У нас в доме есть пенсионерка! - вскричала мама. Ее лицо ожило мгновенно вспыхнувшей надеждой.

- Кто - Греза Павловна? - с усталым презрением спросил папа. - Вон она, слышишь, легка на помине!

Снаружи осажденного звуками дома снова вспыхнул краткий миг тишины, разлетевшийся вдребезги от интеллигентно-старушечьего фальцета:

- Прошу прощения, молодой человек, я никоим образом не осмеливалась прервать ваше творческое начинание, которое все продолжается и продолжается у нас под окнами, но сейчас, когда вы сами сообразовали сделать паузу, не будете ли вы так любезны не только попеть, но и немножко послушать? - донеслось с соседнего балкона. Голос Грезы Павловны с легкостью пробивался сквозь тройной стеклопакет. - Я понимаю ваш романтический порыв, серенада для любимой - так благородно! Однако же наша прелестная Эллочка, которую вы изволите называть Кисонькой... - в голосе Грезы Павловны прорезалось отчетливое неодобрение - она терпеть не могла прозвище своей юной соседки. - Девочка тонко чувствующая, отлично разбирающаяся в искусстве... Я бы порекомендовала вам, юноша, взять пару уроков вокала, прежде чем петь под ее окнами! Или как-то по-другому выражать обуревающие вас чувства. Вы все же не великий Собинов[1] -

Собинов Леонид Витальевич (1872 —1934) - оперный певец (лирический тенор), один из крупнейших представителей русской классической вокальной

школы.]*...

- Он - Соболев! - рявкнули с улицы сразу несколько глоток. - Соболев Матвей, мега-супер-звезда! Ура нашему Мэту!

- Вот именно! Не Собинов и тем более не Козловский, далеко не Козловский! - непреклонно объявила Греза Павловна.

- Слышь, Мэт, бабка на балконе говорит, что до Витальки Козловского ты не дотягиваешь! - прозвучал с улицы недоуменный бас и громко и агрессивно стукнули барабанные палочки.

- Козловский - попса и отстой! - отрезал другой голос. - А у Мэта - смысл, глубина...

- Толщина... - вздохнул за окном папа.

- Не слушай бабку, Мэт, у нее маразм! Нашла кого сравнивать - тебя и Козловского!

- Позвольте! - оскорбленно откликнулась с балкона Греза Павловна. - Вы не психиатр, юноша, чтоб судить о моих умственных способностях! Я понятия не имею, кто такой ваш Виталька Козловский. Я говорила о великом Иване Семеновиче Козловском, теноре Большого театра! Мне в голову не приходило сравнивать Козловского и вас! Поверьте, мой дорогой, уровень Большого - не для вас!

- Блин, народ, бабка-то нашему Мэту уважение делает! - радостно откликнулся бас и в подтверждение снизошедшего понимания снова простучал барабан. - Правильно, на фиг нам тот Большой - он же маленький какой! Мы стадионы собирать будем - «Донбасс-Арену», например! Зря, что ли, усилитель покупали?

- Спасибо-спасибо! - вмешался третий, вальяжно-сытый голос, при звуках которого перед глазами сразу возникал толстый кот из мультика. - Я благодарен своим фанам, и особенно бабушке-божьему одуванчику на балконе третьего этажа, но, друзья мои, сегодня я пою не для вас! Мое творчество посвящено единственной девушке, которая достойна стать рядом с настоящим певцом,

девушке, которая живет в этом доме...

Папа стиснул край одеяла в кулаке. Ему казалось, его дом, старинный дом, который он сам помогал ремонтировать и приводить в порядок, всеми стенами излучает ненависть насмерть замученного существа и направлена эта ненависть сюда, внутрь, на него и его семью. На прикроватной тумбочке зазвонил телефон. Папа молча глядел на трещащий аппарат, потом схватил трубку и нажал кнопку – как из гранаты выдернул чеку.

– Сергей Николаевич? – спросил хорошо поставленный мужской голос.

Папа совершил, наверное, самый мужественный поступок в жизни – подавил желание сунуть трубку жене.

– Это вас из четвертой квартиры беспокоят... – неуверенно продолжил голос.

– Да, я узнал вас, профессор. – Страшным усилием воли папа заставил себя говорить спокойно. – Чем могу?

– Я даже не знаю, как вам сказать... – пробормотал профессор – папа был уверен, что сейчас тот нервно протирает очки. – Я хотел предупредить... В нашем доме возникли опасные настроения! Наши соседи... Вы не подумайте, они неплохие люди, просто отчаявшиеся, ведь третью ночь этот кошмар продолжается! – голос профессора сорвался на ощутимый всхлип. Повисла пауза и наконец профессор шепнул в трубку. – Говорят, что все не должны страдать из-за девчонки. Они хорошо относятся к вашей семье, но сколько же можно... Соседи начинают думать о том... чтобы... выдать вашу дочь... этому... захватчику...

– И что же этот... захватчик... будет делать с моей дочерью? – очень спокойно спросил папа.

Новая пауза показала, что собеседник растерялся.

– Об этом никто как-то не подумал. – Промямлил профессор. – Отчаяние не затрудняет себя логикой, а тут еще Галина Валерьевна из 17-й квартиры вчера включила телевизор на городском канале, а там... снова этот! Который у нас под окнами! – в истерике завопил профессор. – Поет! Он снова пел!

- Успокойтесь, профессор! - ровным тоном сказал папа. - Выпейте воды.

- Я спокоен, спокоен... А вот Галину Валерьевну отвезли в больницу - сердечный приступ, знаете ли. Кто он такой, этот мальчишка? - криком измученной души вырвалось у профессора.

- Мотя Меховой. - Тяжко вздохнул папа.

- Простите? - переспросил профессор.

- Его мама - владелица сети меховых магазинов. Видели, наверное, слоган «Сила меха - гарантия успеха»?

- Хуже. - Мрачно откликнулся профессор. - Я купил там шубу жене.

- Ну вот. - С печальным удовлетворением заключил папа. - Профинансировали музыкальную карьеру ее сына.

- В любых своих бедах человек виноват сам - прямо или косвенно. - Наконец сказал профессор. - Но мы постоянно норовим об этом забыть. Как вы думаете, если я сожгу эту шубу прямо перед дверями ее магазина? - в голосе профессора звучала странная смесь угрозы и беспомощности.

- Придется супруге новую покупать. - Ответил папа.

- Но у конкурентов! - торжествующе откликнулся профессор. - Заметьте, Сергей Николаевич, новую шубу я куплю у их конкурентов! Передайте от меня сердечный привет Марье Алексеевне и... и дочкам тоже! - и профессор торопливо отключился. Шубу, что ли, жечь побежал?

- Тебе привет от профессора. - Сказал папа, отключая трубку. - Совсем. Еще одного разговора с соседями он не выдержит.

Мама кивнула, напряженно прислушиваясь к происходящему на улице.

- Матвей Соболев, певец и музыкант, руководитель и продюсер замечательной поп-группы «Дикий соболев», актер и режиссер клипов и рекламы, лучший

студент ВГИКа и студии телевидения одновременно, московская звезда на провинциальном небосклоне нашего города... – голосом хорошо кормленного кота продолжал вещать с улицы Матвей Соболев. – ...Исполнит в честь Кисоньки Косинской свой новый мега-хит! Слова – Матвея Соболева, музыка – Матвея Соболева...

За дверью спальни послышались сдвоенные шаги. Папа прислушался. Шаги стремительно пронеслись в сторону кухни... Стихли. Зато хлопнула дверца холодильника.

– Аранжировка – Матвея Соболева... – доносилось с улицы.

Папа невольно приподнялся, соображая, бежать ли ему на кухню – проверять, или не стоит? Но сдвоенные шаги уже стремительно прошелестели обратно. Мамино лицо на миг стало напряженным – тоже услышала. На ее губах вдруг промелькнула злорадная и даже кровожадная усмешка.

– Ты знаешь, что они задумали? – почти беззвучно, точно его могли услышать там, на улице, выдохнул папа.

– Пока нет. – шепнула мама. – Я вспоминаю, что у нас такого есть в холодильнике.

Папа ее не понял, но и переспросить не успел.

– Исполняет – Матвей Соболев! – внушительно сообщили на улице и в ответ раздались громовые аплодисменты. Аплодировало то ли трое, то ли четверо... но звук пустили через усилитель. Стекло в окне снова жалобно задребезжало. Барабанные палочки сыпанули частую дробь, и Матвей Соболев, певец-музыкант-режиссер-продюсер и сын своей мамы запел. – Довольно глянца, хватит гламура, о бэби-бэби, просто покажи фигуру – мне!

Лицо папы налилось кровью.

– Этот молокосос очумел? Петь такое под моим домом о моей дочери? – папа кинулся к окну, судорожно дернул ручку – запор заел. Шипя ругательства сквозь зубы, папа тряс ручку с ненавистью глядя сквозь стекло вниз.

Барабанная установка стояла на самом краю тротуара, так что казалось, буйствующий за ней барабанщик вот-вот вывалится на дорогу. Свет переносных прожекторов скрещивался на блестящих тарелках и заклепках куртки барабанщика. Рядом столь же нестерпимо сверкал саксофон, стиснутый в объятиях тощего длинного очкарика. Парни в сверкающих пиджаках наяривали на гитаре и синтезаторе – их лица наполовину скрывали громадные темные очки. Темной ночью это производило неизгладимое впечатление на публику. И всюду меха! Лисьи хвосты свисали с барабанной установки, а целый пучок гладких норковых шкур – с грифа электрогитары. Синтезатор казался зверьком на пушистых ножках. меховые перевязи, оторочки, накладки украшали костюмы музыкантов. Ну а впереди, томно проговаривая в микрофон песню, скакал лидер группы «Дикий соболь» – сам Матвей Соболев! Длинная соболя безрукавка поверх серебряной рубашки кружилась и раздувалась в такт движениям, обметая подолом нестриженную весеннюю траву газона. Похожие на куриные окорочка ноги мега-звезды плотно обтягивали блестящие штаны, а микрофон в руках был такой же сытенький и кругленький, как и щеки.

– Даже мега-звездам – вот как я! – так хочется-хочется чистой любви! Пойми меня и попой покрути! – приплясывая, Матвей Соболев двигался через газон к тротуару – глаза блестят, губы тоже – от блеска для губ, рубашка сверкает, накидка развевается, каблук украшенных стразами ботинок выбивают ямки во влажном газоне.

– Попой? Попой! – взревел папа, с новой силой накидываясь на непокорную ручку окна.

– Сергей, не надо, ты уже пытался его прогнать, только хуже стало – он усилитель притащил! – мама бросилась к мужу.

– Я не буду его прогонять, я его просто убью! – рявкнул папа.

– Давай лучше снова полицию... – взмолилась мама.

– Чтоб они застучали меня над его еще теплым трупом? Да открывайся же, ты! – папа шарахнул кулаком по раме.

– О любви моей ты грезьшь, но ничего не говоришь, партизанкой на допросе о любви своей – ко мне! – молчишь... – певец вдохновенно запрокинул голову,

пафосно вскинул руку... Впечатление подпортили расплзшиеся на мокрой траве подошвы и зацепившаяся за ветку накидка. Матвей Соболев прервался – привычный к таким внезапным паузам барабанщик разразился яростным грохотом. Сосредоточенно выпятив пухлую губу солист группы аккуратно, даже бережно отцепил меховую накидку и спрыгнул с бровки на тротуар, подальше от коварного газона. Теперь его было плохо видно из окна – разве что тщательно уложенные и блестящие на макушке волосы. Зато слышно по-прежнему отлично.

– Тебе что-то нужно, кошка моя...

Папа справился, наконец, с защелкой, распахнул окно и перевесился через подоконник, сам не понимая, что собирается делать: в такой ярости он был готов выпрыгнуть из окна певцу на голову. Пусть сам ноги переломает, но хоть прибьет поганца!

Не подозревающий об опасности, нависшей над его головой (в буквальном смысле), Матвей Соболев сделал шаг вперед:

– Только что – не скажешь напрямик, ни за что и ни почему... – объявил он в микрофон. – Я тебя не пойму! О выйди-выйди ко мне на балкон, потрындим за мой гениальный музон...

Его желание исполнилось. Балконная дверь с треском распахнулась, и рыжеволосая фурия в зеленой шелковой пижамке вылетела на балкон.

– Я скажу тебя напрямик, чего я хочу, ты, поросся на меху! – завизжала фурия так пронзительно, что саксофон испуганно взвыл и смолк, а сорвавшаяся с ритма гитара жалобно загудела. – Хочу, чтоб ты подавился микрофоном, кабан поющий! И моль тебя вместе с твоими мехами сожрала, ты, ветчина в соболях!

– Я никогда не думала, что Кисонька может так ругаться! – охнула мама. – Ладно еще Мурка, но Кисонька!

– Убирайся отсюда, бегемот сумчатый, и чтоб духу твоего...

– Кисонька! – с ласковым укором сказал Матвей Соболев и его усиленный микрофоном голос прокатился по улице, заставив зашевелиться даже

обитателей дома напротив. – Ты не дослушала песню! В этот раз я тебя прощаю. – Он величественно повел пухлой рукой. – Но на будущее давай договоримся – ты не прерываешь меня, когда я пою. Если, конечно, хочешь быть моей девушкой.

– Не хочу-у-у! – завопила рыжая Кисонька. Барабанщик невольно стукнул палочками, контрапунктом отмечая этот крик души!

– Ну хватит уже! – Матвей Соболев снисходительно усмехнулся. – Я, между прочим, Соболев Матвей! Певец, музыкант, актер, режиссер и продюсер! И звезда. Московская. – Уточнил он. – Я не каждой девушке предлагаю встречаться! Нет, я понимаю: гламурная штучка вроде тебя должна немножко повыпендриваться, а потом уже соглашаться. Только ты с выпендрежем затянула, еще немножко и мне ведь надоест!

– А чтоб тебе быстрее надоело... – девчонка перегнулась через перила балкона. – Мурка, мочи его! – заорала она.

Еще одно окошко распахнулось, из него вылетело что-то белое, округлое, толстое, глянцево блеснувшее раздутыми боками в свете прожекторов.

Перевернулось в воздухе... С неожиданным проворством мега-звезда Матвей Соболев шарахнулся назад. «Ну да, когда в клубе выступали, Мотья таки натренировался уворачиваться от тяжелых летающих предметов!» – сообразил барабанщик.

Каблук мега-звезды зацепился за бровку, и, выронив микрофон, Соболев растянулся на газоне. Зато гитарист успел прыгнуть вперед... и точно бейсбольной битой отбил гитарой летящий снаряд. Раздалось звучное «бах!» и глянцевая гладкая оболочка лопнула. В воздухе расцвел омерзительный белесый цветок – воняющая, густая белая жижа расплескалась во все стороны.

– Вот блин! – пробормотал гитарист, замирая с инструментом наперевес, и физиономия у него стала такая виноватая, что Кисонька плюхнулась животом на балконные перила и попыталась заглянуть вниз, на улицу. Из соседнего окна высунулась ее сестра-близняшка Мурка.

Под балконом стояла совершенно незнакомая молодая девушка. Ее волосы, брючки, пиджачок с короткими рукавами и даже точащие из босоножек пальцы покрывал слой вонючей белой слизи. Подброшенная ударом гитары пленка распласталась по лицу как мелкие прожорливые твари из фильмов ужасов.

Девушка пару секунд стояла неподвижно. Потом медленно отлепила пленку от лица. Брезгливо швырнул ее наземь, провела по щеке ладонью, не столько стирая, сколько размазывая белую слизь, и дрожащим от обиды голосом спросила:

- Ну и за что вы меня скисшим кефиром облили?

Парень у синтезатора подумал - и сыграл первый аккорд траурного марша.

- Надо было этот пакет с вечера в мусорку положить. - Пробормотала мама, бросая на мужа смущенный взгляд. - Так я боялась, что он лопнет...

- Лопнул. - Согласился папа. - С треском.

С точно таким же треском распахивались окна по всему дома и наружу высывались любопытствующие соседи. Весь фасад - в торчащих головах! Зато Кисонькина балконная дверь захлопнулась - дочь нырнула в комнату.

- Как я в таком виде на работу пойду? - снизу доносился возмущенный голос пострадавшей девушки.

- Это не мы! - Соболев Матвей поднял себя с газона. С трепетным вниманием ощупал соболью безрукавку в поисках повреждений. Не нашел, вздохнул с облегчением, выпрямился. - Просто в этом доме... - он ткнул в сторону окон семейства Косинских. - Живут люди, которые неадекватно реагируют на окружающих!

- И в какой же квартире живут эти неадекватные люди? - агрессивно переспросила пострадавшая.

Не дожидаясь развития событий, папа направился в комнату Кисоньки. Обе его дочери сидели на кровати. Хорошо хоть они никогда не любили одеваться

одинаково – на Мурке была не кокетливая зеленая пижамка, а простые белые маечка и трусики. А то ведь и не отличишь одну от другой: обе рыжие, зеленоглазые, спортивные, обе одинаково несчастные и понурые.

– Доигралась? – глядя только на Кисоньку, хмуро поинтересовался папа. – Вот теперь нам всем аукнулись твои бесконечные мальчики, зайчики и прочие бойфренды!

– Сергей! – предостерегающе сказала мама, но папа даже не оглянулся на нее.

– Он мне не бойфренд! – ненавидяще процедила Кисонька.

– Это ты так думаешь! – повысил голос отец. – А он думает иначе! – Сергей Николаевич выразительно ткнул пальцем за окно, туда, где скрывался страшный ОН. – Если собирать из мальчиков коллекцию, ничего удивительного, что один экземпляр оказывается бешеным!

– А по-моему, ты наезжаешь на нас, потому что не можешь справиться с Меховым Мотей. – Глядя в сторону, сказала Мурка.

– Тебя, моя дорогая, вообще никто не спрашивает! Завела себе тихого умного очкарика, ну и отлично, и все довольны!

– А кто мне в воскресенье скандал устроил, когда я с Вадькой по скайпу разговаривала? – ринулась в бой Мурка.

– Ах, ну извините! – издевательски раскланялся папа. – Разговоры по скайпу в два часа ночи, да еще перед экзаменом – это и правда не заслуживающая внимания ерунда... по сравнению с тем, что тут устроила твоя сестра!

– Я ничего не устраивала! Вадька мне к экзамену помогал готовиться! – одновременно завопили близняшки.

– А поющий меховой мешочек с жиром у нас под окном к чему помогает готовиться? К смерти? – заорала в ответ Сергей Николаевич. – Когда придут соседи и забьют нас швабрами?

– Сергей! – снова предостерегающе повторила мама.

Кисонька натянула на плечи простыню, будто ей было холодно в эту майскую ночь, обхватила колени руками и уставилась перед собой.

– Люди – гнусные, трусливые, мерзкие существа. – Механическим голосом отчеканила она. – Мотю забивать швабрами они не пойдут, обязательно к нам явятся!

Папа вздохнул – длинно и шумно – точно выдыхая весь гнев. Помолчал, прислушиваясь к доносящимся с улицы голосам – там еще разбирали кефирный вопрос, а значит, пара минут в запасе оставалась.

– В общем, так, девочка-философ! Прямо сейчас соберете чемоданы – маленькие! – специально для Кисоньки уточнил он. – И уедете на море, в пансионат! В Бердянск!

– Прямо завтра у нас еще экзамен. – мрачно объявила Мурка.

– Значит, уедете прямо послезавтра! А прямо завтра переночуете в гостинице, я сниму вам номер!

– Мотя нас найдет. – Безнадёжно сказала Кисонька. – По регистрации. И будет петь под гостиницей. И нас забьют швабрами уборщицы и администраторши.

– Тогда переночуете у Муркиного бойфренда, который только треплется с ней по скайпу, но хотя бы не поет! – снова заорал папа. – Я позвоню его маме, извинюсь, и попрошу, чтоб она вас оставила! А утром поедете, всей гоп-компанией, включая Севу, Вадьку, и его сестрицу с гусем! Не одним же вам в Бердянск ехать! На машине с шофером, чтоб зловещий Мотя не выследил вас по железнодорожным билетам, подкупив начальника вокзала! Бред какой-то! Вы же, вроде, чемпионки по рукопашному бою – и боитесь толстого неуклюжего мальчишку!

– Это несправедливо! – взвилась Мурка. – Ты же сам запретил нам его бить! Еще когда он под окном в первый раз взвыл!

– Вы не знаете его мамашу! – отрезал Сергей Николаевич. – С такой мамашей как у Соболева обе загремели бы в колонию для несовершеннолетних. Ни адвокаты не помогли бы, ни ваша любимая отмазка: «Ах, мы две слабые девочки, что мы можем сделать такому большому мальчику?» – папа даже попытался состроить глазки, передразнивая «невинный» Кисонькин взгляд. Вышло страшновато. – Вон, соседи пытались на него полицию натравить – и что? Через час он снова был у нас под окнами!

– А почему мы едем в Бердянск? – вдруг тихо спросила Кисонька. В голосе ее послышался легкий проблеск интереса.

Сергей Николаевич аж сморщился от сочувствия – надо же, как его капризную дочь Мотиными ухаживаниями приложило! Никаких выступлений на тему: «Фу, Бердянск, какая дыра!» На что угодно согласна, лишь бы подальше от пташки певчей под окном. Бройлера певчего!

Голоса внизу стали затихать – возмездие за пролитый кефир неумолимо приближалось. Сергей Николаевич заторопился.

– Во-первых, недалеко. Во-вторых, зная твои вкусы, никто не подумает, что ты могла умотать в такое... скромное местечко. Ну и еще, там продается пансионат молокозавода. Компания, которая купила молокозавод, почему-то хочет от пансионата избавиться, а моему заводу как раз что-то такое не помешало бы... Пансионат владельцы закрыли, основной персонал уволили, остались директриса и пара человек обслуги. Потенциальным покупателям предлагают там пожить. Осмотреться, оценить возможности. Вот вы и поедете, как мои представители. Заодно и вправду посмотрите, что с этим пансионатом не так. По бумагам все в порядке, но зачем его вообще продавать, да еще так дешево? И зачем закрывать, мог бы пока деньги приносить.

– Мы вроде как не спецы по недвижимости. – С сомнением пробормотала Мурка.

– А пора бы уже быть спецами – хоть в чем-нибудь! – снова разозлился папа. – Не только в мордобитии на татами и мальчиках! Вы мои дочери, когда-нибудь моя фирма вам достанется! Вот и займитесь делом, может, перестанете, наконец, дурью маяться!

Мурка бросила на отца странно насмешливый взгляд.

- Ну давай, что ли, попробуем занять нас серьезным делом. - Согласилась она.

- Дети что, поедут одни? Без взрослых? - вмешалась мама.

- Mam, мы постоянно ездим на соревнования! - взмолилась Мурка.

- Там с вами тренер! - отрезала мама.

- Ну я-то с ними поехать не могу. - Сказал отец и не успела мама открыть рот, добавил. - И ты не можешь! У нас французы приезжают, я их буду пасти и ублажать? Я три ночи не спал!

- Можно подумать, я спала! - огрызнулась мама. - Я не отпущу детей одних неизвестно куда. И я точно знаю, что Вадькина мама тоже не отпустит!

Домофон зазвонил на весь дом - оскверненная скисшим кефиром девушка, наконец, добралась до виновных.

- Придумаем что-нибудь, только пусть едут! - поспешно натягивая брюки, бросил папа. - Глядишь, за недельку Мотя про нашу Кисоньку забудет... или хотя бы эту недельку мы спокойно поспим!

- Главное - секретность! - озабоченно согласилась мама. - Чтоб он не узнал, куда они уехали! - и родители направились в коридор - объясняться, оправдываться, возмещать ущерб и успокаивать страсти.

Глава 2. А за окошком месяц май и Соболев Матвей

Самый гнусный, мерзкий и пакостный месяц в году - месяц май! Может, кто станет спорить: чего ж пакостный, когда солнышко пригревает, травка зеленеет, птички-цветочки. Так в этом же и есть главная майская подлость! И солнышко, и птички, акации белые-белые и легкие лепестки осыпаются, как конфетти. Каштаны выметнули пушистые свечи, молодая травка такая аппетитно-зеленая, что хочется немедленно стать козой. А ты пишешь

четвертную контрольную. Потом семестровую. Потом годовую. «При таких тематических в году по химии получается полная катастрофа! Тебе нужно пересдать как минимум две темы!» Пересдать? Пересдать! А-а-а-а! Убейте меня, кто-нибудь добрый и милосердный!

Но даже на фоне общей ежегодной пакостности мая месяца самый пакостный, отвратный, подлый, издевательский и сверх-над-супер-блинский – месяц май в девятом классе! Потому что экзамены! Какие птички-бабочки? Какие робкие намеки родителям насчет съездить куда-нибудь «на майские»? «Хочешь, поезжай на дачу... только учебники с собой возьми, к экзаменам готовиться!» Аа-а-а!

И ведь готовишься! В распахнутое окно врывается головокружительный аромат цветущей липы, а ты зубришь, потому что стыдно завалить эти проклятые экзамены, ну что ты, глупее всех, другие сдают, а ты не можешь? Такая вот добровольно-принудительная майская каторга.

А если ты еще и рвешься на части между учебой и работой в знаменитом детективном агентстве «Белый гусь»... И нежелательный, но очень настойчивый поклонник образовался... Жизнь становится черной и противной, как осенняя слякоть, и мрачной, как... вон, как Федька Потапов, который только что английский завалил! И то, что сама сдала на «отлично» – не помогает! Кисонька Косинская с тяжким вздохом ткнулась лбом в оконное стекло.

Дверь класса распахнулась и в коридор вывалилась встрепанная Мурка.

– Все! Все-е-о-о! Этот кошмар закончился! Хотя бы этот – закончился! – совершенно по-кошачьи жмурясь от счастья, выдохнула она. – Мотаем из этого страшного места и больше никогда-никогда в жизни сюда ни ногой! Ну или хотя бы целое лето! Чего стоишь, пошли! – Мурка легкомысленно забросила сумку на плечо, шагнула к школьной лестнице...

Кисонька молча указала пальцем в стекло. Мурка глянула... и привалилась к подоконнику, будто ее не держали ноги.

– А если оно и тут запоет? – охнула она.

– Оно – может. – Согласилась Кисонька.

На школьной спортплощадке сидел Матвей Соболев.

– Ну по крайней мере он не вооружен. – Имея в виду отсутствие микрофона, оркестра и собольей безрукавки, неуверенно заключила Мурка.

– Если мы выйдем из школы, он опять ко мне привяжется. – Голос Кисоньки дрожал как заячий хвост. Она была чемпионкой Европы по ката с оружием и сыщицей детективного агентства «Белый гусь», ей приходилось бороться на спортивном татами и даже выходить против вооруженных бандитов... но никого она не боялась так, как Мотю. Разве что крыс и червяков!

– Сама виновата! – зло буркнула Мурка. – И не фиг на меня так смотреть, папа на тебя наехал – и правильно, и сказать нечего! С одним парнем ты в кино идешь, с другим в чате треплешься, с третьим в Карпатах на лыжах катаешься, с четвертым на море до буйка плаваешь, и еще двое тебе звонят!

– На лыжах я катаюсь с тем, кто лучше на лыжах, плаваю – с тем, кто лучше плавает, а в кино, конечно, я с Витей хожу, Витя про фильмы столько знает, сколько никакому кинокритику...

– А Мотя – поет! – перебила ее Мурка. – И он не понимает, почему в твоём батальоне лыжников, пловцов и кинокритиков нет места для ма-асковской звезды, певца, актера и продюсера...

– Заткнись! – истерически взвизгнула Кисонька. Парочка измочаленных после экзамена одноклассников едва не сверзились с соседнего подоконника, и Кисонька понизила голос. – Заткнись, пожалуйста, очень тебя прошу! Моте нет места в моем, как ты говоришь, батальоне, потому что он поет как укушенный за хвост поросенок. Выглядит как поросенок и ведет себя... как последняя свинья! Мотечка не хочет в батальон! Мотечка решил, что я для него подходящая девушка, и он будет моим парнем – единственным и неповторимым. Я от стыда сама зажарюсь, как свиная отбивная, если появлюсь на какой-нибудь тусовке с этой свинкой на меховой подкладке!

– И снова папа прав – ты на такого Мотю годами нарывалась! – буркнула Мурка. – Ты правда думала, можно творить с парнями, что хочешь? Этого в ящик положила, как ботинки, того в угол задвинула, будто табуретку, а этого уж

ладно, из шкафа достала, пыль с ушей стряхнула – давай, веди меня в кафе и повизгивай от счастья, что сама Кисонька до тебя снизошла? Вот и до тебя теперь – снизошли! Вот точно как ты сама, Мотя до глубины своей жирненькой душонки уверен, что ты должна скакать от восторга, заглядывать ему в глаза и целоваться с ним на каждом перекрестке!

Кисонька невольно брезгливо вытерла губы. К желанию убить Соболева прибавилось не менее острое желание врезать сестре. Как Мурка может сравнивать ее – и Мотю?

– Целоваться – это ты у нас спец! – задыхаясь от злости, процедила Кисонька. – Со своим Вадечкой, в коридорчике черного хода агентства. Прямо под видеокамерой!

Мурка ошеломленно посмотрела на сестру, а потом убито спросила:

– Разве там есть камера?

– Вы сами ее ставили – вдвоем с Вадькой! – изумилась Кисонька.

– Забыли. – Едва слышно шепнула Мурка и начала медленно мучительно краснеть.

Кисонька уставилась в окно. В окне по-прежнему был виден Мотя. Радости это не прибавляло. Мало того, что поощенный поросенок осмелилось набиваться к ней в парни, она из-за него с сестрой ссориться!

– Извини. – Выдавила она. – Мы даже и не подглядывали за вами... Долго. Как только я отпихнула Катю с Севой от монитора, сразу и выключили.

– То есть, все видели. – Сухо уточнила Мурка.

– Мы просто завидуем! – торопливо заверила ее Кисонька. – Я и Катя! У вас с Вадькой все хорошо, а у нас... Сева на Катю внимания не обращает, а я... Ты же знаешь, у меня... Я и Большой Босс...

Мурка кивнула – она знала. Кроме Мурки и Кисоньки в детективном агентстве «Белый гусь» состоял еще компьютерный гений Вадька, финансовый аферист Сева, Катька, Вадькина младшая сестра, один солидный белый гусь по имени Евлампий Харлампиевич и один виртуальный призрак. Большой Босс был совладельцем агентства, помогал сыщикам «Белого гуся» добираться до международных преступников, но ребята не знали о нем ничего, кроме ника, аватарки и того, что его родной язык – английский. А еще Большой Босс был большой и безнадежной Кисонькиной любовью.

– Мы с ним как рыцарь и его прекрасная дама. Только рыцарь – я! – прохныкала Кисонька. – Я о нем мечтаю, я его ищу на просторах виртуала, я даже ради него сражаюсь с монстрами и драконами... когда в on-line игре к нему на виртуальные свидания хожу. А он сидит себе в башне и ждет, когда я явлюсь к нему на белом коне!

– А вдруг он и правда – девчонка? – охнула Мурка.

– Вот именно! – Кисонька сморщилась, будто лимон разжевала, и вдруг тихо и очень печально сказала. – Я устала, Мурка! Несчастливая любовь хороша только в книжках, а виртуальная любовь... – она безнадежно махнула рукой. – В виртуале хорошо знакомиться, но дальше должно быть что-то реальное! А он... Большой Босс... Он ничего не делает! Если бы я ему была нужна... Есть Face Book, есть скайп, есть... Я не Мотя, чтобы гоняться за тем, кому я не нужна! – Кисонька вытерла глаза и гордо вскинула голову. – Вот и завожу себе всяких-разных! Когда-нибудь обязательно найдется парень, который мне по-настоящему понравится, я буду встречаться только с ним и разгоню всех остальных!

Мурка поглядела на сестру критически. Пафосное заявление, только «всяких-разных» Кисонька заводила и до появления Большого Босса. Кажется, даже когда они были совсем маленькими, к Кисонькиной коляске скатывались коляски всех окрестных младенцев мужского пола. Мурка сестре не завидовала, каждому – свое. Если бы вокруг нее вертелось столько парней, она бы сошла с ума и начала их убивать – чтоб не толпились и вид не загоразивали.

– Пока что нашелся Мотя. – Напомнила она. – Как бы нам теперь его потерять? Если через главный вход выйдем, увидит.

– Можно вылезти на карниз с другой стороны здания и спуститься по трубе! – глаза у Кисоньки затравленно блеснули.

– Вопрежнему сейчас в какой-нибудь класс... – Мурка махнула рукой в сторону дверей, за каждой из которых слышался гул экзаменов. – Протопаем, значит, мимо препода, откроем окно, вылезем на карниз – и по трубе вниз с третьего этажа! – и сама невольно хихикнула, представив обалдевшие физиономии учителей. – Вот если бы Мотю отвлечь...

Сквозь оконное стекло на сидящего внизу Соболева смотрели две пары одинаково зеленых и кровожадных глаз. В некоторых вопросах мнения прямодушной Мурки и кокетливой Кисоньки совпадали. Сейчас обе думали, что лучший способ отвлечь Соболева – дать ногой в голову с разворота и добавить прямой в корпус. На случай если первый удар не подействует в связи с отсутствием в голове мозгов.

Ничего не подозревающий Соболев продолжал восседать на скамейке у спортплощадки. Вид у него был гордый, как у звезды на автографсессии, но сквозь слой самоуверенности, лежащий поверх рыхлого жирка, пробивалась растерянность – Кисонька не появлялась, за автографами тоже никто не спешил.

– В прошлое воскресенье эта свинина на ножках явилась в «Репортер». Уселся за столик и отправил охранника меня искать! – горестно пожаловалась Кисонька.

– В «Репортере» фейс-контроль и несовершеннолетних не пускают. – Напомнила Мурка.

– Вот именно! Можешь представить, чего мне стоило туда просочиться! – снова разозлилась Кисонька. Неделя прошла, а все равно хотелось выцарапать Моте его пороссячи глазки. – Охранник меня нашел... и немедленно выставил! А у них, между прочим, был закрытый концерт Ынхёку из Super Junior! Ну которые К-поп исполняют – корейская волна!

– «Gangnam Style»? – неуверенно уточнила Мурка и словно в подтверждения скрестила запястья и сделала пару прыгающих движений в стиле толстого корейца из заводного клипа.

– Нет! Дался вам этот «Gangnam Style»! – огрызнулась Кисонька. – Корейская поп-музыка набирает популярности в Европе еще с 2009, и если мы о ней ничего, кроме «Gangnam Style» не знаем, это только наша вина! Ынхёку гораздо интереснее этого толстого с его «Gangnam Style»! Такой стильный, как в дораме...

– Может, тебе все-таки встречаться с Мотей? – перебила ее Мурка. – Поговорите о корейской музыке...

– Мотя хочет говорить только о своей музыке! – снова рыкнула Кисонька. – А до этого ее сначала надо слушать!

– Аргумент. – Согласилась Мурка.

Мотя тем временем вытащил мобильник и принялся перебирать кнопки, не забывая коситься на школьную дверь.

– В Интернете сидит. – Предположила Мурка. – «Вконтакте» мнения поклонников читает.

– Говорят, у него больше двух сотен «фрэндов». И все с ним «зафрэндились», чтобы написать как они его ненавидят! Он же каждый день на городском канале во время рекламы выступает.

– Севка жаловался, наша реклама слетела, когда его мамаша все рекламное время выкупила. – Кивнула Мурка. – Но в Интернете он сидеть должен. Такие даже ругань читают, а потом обстоятельно каждому отвечают, почему те неправы, а он самый лучший, просто непонятый. А если он в Интернете, тогда... – сестры переглянулись.

– Я звоню Вадьке. – Берясь за мобильник, объявила Кисонька.

– Не смей! – взвилась вдруг Мурка. – Он сегодня тоже экзамен сдает! У них в лицее если не сдал – отчисляют! Звони своему Большому Боссу – это ж он у нас международно известный хакер!

– Мурка, ты не слушала, что я говорила? – проникновенно сказала Кисонька. – Я Большого Босса знать не хочу!

– Ты бросаешь своих хахалей, как бросают курить – сразу и одновременно? Всех? А сама уходишь в монахини? Давай решать вопросы по очереди – сегодня ты бросаешь Мотю. Большого Босса ты начнешь бросать сразу, как только Мотя того... долетит и упадет.

Кисонька бросила – мрачный взгляд на сестру. Хотела запустить еще и портфелем, но сдержалась. И без того ведет себя последнее время как базарная торговка – орет, визжит и хнычет. А все из-за Моти. Мурка права – с ним надо кончать любой ценой.

– Бросать сразу двух парней, с которыми я даже никогда не встречалась – совершенно новые ощущения! – пробурчала она, тоже выходя в Интернет. Сердце как всегда дрогнуло, только в углу экрана появилась знакомая аватарка принца в черном и серебре.

«А ну – не дрожать!» – мысленно прикрикнула на глупое сердце Кисонька. Сердце не послушалось. Что с него взять – орган.

Большой Босс откликнулся сразу, будто никогда и не отходил от компьютера. Катька даже считала, что он – компьютерный разум, зародившийся в недрах Интернета. Кисонька иногда была не против, чтоб это оказалось правдой – лучше бесплотный компьютерный разум, чем настоящий парень, которому на тебя плевать.

«Hello, Pussy Cat! You haven't written so long time. I miss you»[2 -

Привет, Кисонька! Ты не писала так долго, я скучал! (англ.)]* – побежали по экрану строчки. Кисонька подавила истерическое желание швырнуть мобильник в стенку. Если бы и впрямь скучал, сам бы и написал. Но теперь она будет думать об этих словах весь вечер и всю ночь, перебирать по одному, и сочинять тысячу оправданий, почему он не пишет, не звонит, не пытается ничего узнать о ней... Нет! Не будет! У нее сотня поклонников, ей не нужен еще один, ей бы, наоборот, избавиться!

«У меня личная просьба». – Торопливо застрочила она на английском. – «За мной ухаживает один знаменитый в нашем городе музыкант...» – ну не писать же правду, что Мотя знаменитый в городе придурок? Поющий. – «К сожалению, я не считаю для себя возможным принять его ухаживания, но он...»

Как сказать по-английски «Но ему плевать и он меня уже задолбал!» Не знает она – как. Придется продолжать классическим литературным языком.

«Он не обращает внимания на мой отказ и продолжает меня преследовать».

На экране тут же возникла надпись:

«Обожаю ваш стиль, Pussy Cat. Будто получаешь сообщения от леди 19-го века».

Кисонька аж застонала от неловкости. Босс думает, что она старомодна! Она не знала, что ответить, потому просто продолжила:

«Сейчас он сидит на скамейке перед школой, и я не могу выйти!»

«А что вы делаете в школе?» – после короткой паузы поинтересовался Большой Босс.

О-о-оу-у-у! Он же не должен знать, что она всего лишь школьница!

«Провожу расследование». – Отписалась она.

И снова пауза.

«Так этот ваш поклонник мешает расследованию!» – появился ответ. Темные буквы на белом фоне. Равнодушные. Лишенные эмоций. Только Кисоньке вдруг показалось... если бы эти слова были не написаны, а сказаны, от них бы веяло арктическим холодом.

«Давайте номер мобильного и e-mail вашего друга. Встретится с ним вы сможете и после завершения расследования». – Появилось в окошке мобильного. Кисоньки просто чувствовала, что экран сейчас подернется морозными узорами, будто зимой при -20!

«Он не мой друг! И я не собираюсь с ним встречаться!» – торопливо отстучала она.

Ответа не было. И даже аватарка принца в черном и серебре словно бы повернулась к ней спиной.

Кисонька подняла на сестру отчаянные глаза:

– Большой Босс решил, что я встречаюсь с Мотей, и теперь не хочет со мной разговаривать!

– Ну ты же планировала развязаться с обоими – считай, повезло! – заявила безжалостная Мурка. – Гляди-гляди! Он уходит!

Глава 3. Голливуд заждался

Мобильник в руках Соболева зазвонил. Мотя поглядел на него критически и поднес к уху – каждый его жест был исполнен царственного утомления: я так устал, а тут неизвестно кто беспокоит. Через мгновение он судорожно выпрямился – весь его облик излучал напряженное внимание. А потом от Моти лучами брызнуло неопишное, полнейшее самодовольство. Казалось, оно сочилось из каждой поры. Лицо маслилось, как румяный блин на сковородке, Соболев приосанился, гордо задрал пухлый подбородок, и, величественно печатая шаг, удалился со школьного двора.

– Сматываемся! – Мурка ухватила сестру за руку и сыпанула вниз по лестнице.

Девчонки вылетели из дверей, оббежали школу вокруг, проскочили спортплощадку, уворачиваясь от радостно пинаемого одноклассниками мяча, оттянули свободно свисающую над дырой сетку забора и выбрались на улицу.

– Фух! – аккуратно расправляя лязгающую сетку, вздохнула Мурка. Теперь их с Мотей разделяли две улицы и школьный двор.

«Thank you, Big Boss, everything is fine!»[3 -

Спасибо, Большой Босс, все чудесно! (англ.)]* – отстучала по кнопкам мобилки Кисонька. Нет ответа, хотя аватарка по-прежнему словно дышит, показывая, что Большой Босс как всегда в сети. Не хочет общаться, ну и не надо, она тоже не станет ему больше писать. – Твердо решила Кисонька... и немедленно набрала:

«What have you said him?»[4 -

Что ты ему сказал? (англ.)]*

Нет ответа. Кисонька держала мобильник в ладонях, точно выпавшего из гнезда птенца. Большой Босс что... ревнует? Нет, правда? Ну почему она не видит его лица, не слышит голоса, она бы сразу поняла, что он на самом деле чувствует... Мобильник зазвонил.

– Ya, hallo! – радостно завопила Кисонька, нажимая кнопку.

– Я так и знал, что ты обрадуешься моему звонку! – с вальяжностью толстого мультяшного кота сообщил Матвей Соболев.

– Соболев! Сколько можно просить? Не. Звони. Мне. Никогда! – очень-очень «радостно» рявкнула в ответ Кисонька.

– Трубку-то ты взяла! – победно-снисходительным тоном – дескать, «рассказывай-рассказывай, я-то знаю, что ты себя не помнишь от счастья!» – ответил Соболев.

– По ошибке. Не посмотрела, кто звонит, нажала кнопку. – Скупно, будто каждое слово стоило денег, процедила Кисонька.

– А ты бы и не поняла – кто! Это у меня запасной номер. – С торжеством объявил Матвей.

– Поздравляю, Соболев, ты хитроумен как братец Лис. Смотри, чтоб тебя твоя мама на воротник не пустила. – Вздохнула Кисонька.

- У моей мамы даже губернатор жене шубы покупает! А я уже три клипа снял! В 17 лет!

Кисонька не выдержала и захохотала в трубку:

- В городе нет человека, который бы об этом не знал!

Клипы крутили во всех рекламных паузах всех городских каналов. Даже бабушки, которые еще смотрели местное тв, смотреть их перестали. Город дружно объединился в ненависти к осаждающему его толстому коротконогую мальчишке с микрофоном. Но Мотя, кажется, принял ее слова за комплимент.

- Статью про меня на городском сайте читала?

- Будет некролог, прочту обязательно. - Вежливо заверила его Кисонька.

- Я тебе вчерашний фокус с кефиром простил, а ты выделываешься? - неодобрительно протянул Мотя. - Ты же никто, вот и радуйся, что в твоей тусклой жизни произошло что-то интересное - московская звезда хочет быть твоим парнем!

- Сережа Лазарев? Seriously? Что ж он мне сам не сказал? - поинтересовалась Кисонька.

- Лазарев - отстой, а я скоро буду международной звездой! Я сейчас еду в аэропорт. - Заявил Соболев так весомо, будто как минимум отправлялся давать концерт в Кремле. - Встретаться с ведущим американским продюсером - он сам позвонил, вот только что! Цени, какой у тебя парень!

- Слушай, американская звезда Мотя! - взмолилась Кисонька. - Ну ты ж сам сказал я - никто! Ну что ты в меня впился, а? Может, ты себе в Америке Бритни Спирс заведешь?

- Ты на фотках в Интернете видела, какой у нее целлюлит? - возмутился Соболев. - А ты спортивная, говорят, даже чемпионка какая-то... - небрежно - дескать, что вспоминать всякие мелочи! - обронил он. - Родители крутые, еще народ говорит, ты - самая стильная девчонка в городе. Английский знаешь...

– И французский. – Кротко напомнила Кисонька.

– Тоже неплохо! – снисходительно одобрил Соболев. – В музыке сечешь, так что сможешь с полным знанием дела хвалить мое творчество! В общем, ты мне подходишь. Я тебе даже разрешу меня в Голливуд провожать. Ну а потом, естественно, ждать обратно. Хотя я, конечно, не обещаю, что вернусь! Если предложат хороший контракт...

– Не возвращайся, Соболев! Ищи своего продюсера – и не возвращайся! – трепетно попросила Кисонька и отключилась. – Авось ты его там всю жизнь проищешь, призрак аэропорта!

Мурка хихикнула, представив себе толстенький призрак, плавающий среди пассажиров и багажа в вечных поисках американского продюсера. Если призрак будет петь, аэропорт закроют – ни один самолет сесть не сможет!

– Позвонить Большому Боссу, сказать, что мне понравилась его выдумка с продюсером? – задумчиво спросила Кисонька. – Если позвоню, он сразу поймет, что я общалась со своим поклонником – местным знаменитым музыкантом! Но может, это и к лучшему?

– Кто-то собирался Большого Босса бросить! – возмутилась Мурка.

– А другой кто-то сказал, что бросать надо по одному парню в день! – парировала Кисонька.

– Может, сперва хотя бы скажем ребятам, что мы все завтра уезжаем? – по особой сахарности тона было ясно, что Мурка начинает серьезно злиться, поэтому спорить Кисонька не стала, а зашагала следом за сестрой.

– Сева, наверное, не захочет ехать. Он и так злиться, что никто из нас за все время экзаменов в офис и носа не показывал.

– Неделю агентство без нас продержалось и еще неделю продержится. – Деловито объявила Мурка. – Хотя если Севка так боится упустить клиента, то и фиг с ним, пусть остается! За ним Соболев Матвей с песнями и плясками не гоняется.

– Зато за ним гоняется Катька. Если Сева останется, то и Катька останется. – Лукаво усмехнулась Кисонька. – И гусь тоже!

– Как только Сева узнает, что остается на хозяйстве с Катькой и гусем, немедленно решит ехать! – подхватила Мурка. – Значит, поедет и Катька!

Сестры расхохотались и повернули за угол, на улочку в тихом центре, где в отреставрированном старинном особняке находился офис знаменитого детективного агентства «Белый гусь». Улыбки исчезли с их губ, будто отвалились. Не сговариваясь, сестры метнулись обратно за угол и вжались в стену.

Глава 4. Зловещий мерседес настигает

– Ты чего? – пробормотала Мурка.

– А ты чего? – немедленно переспросила Кисонька.

– Машина... – после недолгого молчания ответила близняшка – словно сама не сразу поняла, что же ее насторожило. – Перед офисом.

– Вот именно. – Энергично кивнула Кисонька.

Сестры аккуратно выглянули из-за угла. Напротив высокого крыльца агентства припарковался темный мерседес. Ничем не отличающийся от других автомобилей, приткнувшись у кромки тротуара. Но сыщицам «Белого гуся» приходилось и сидеть в засаде, и попадать в засады, и догонять преступников, и самим убегать от погони. Им не нужно было объяснять и доказывать друг другу, что с мерседесом что-то не так! Он словно смотрел... и ждал. Напряженный злой взгляд за затемненными стеклами был ощутим, как упершаяся в переносицу красная точка лазерного прицела.

Мурка нырнула обратно за угол и вытащила телефон. Формальный владелец, а на самом деле единственный служащий «Белого гуся», высоченный бородач по

прозвищу Салям, взял трубку.

- Из наших в офисе кто-нибудь есть? Нет? И не будут сегодня? Тогда ты сам! - решительно скомандовала Мурка. - Выйди из офиса и иди, только не торопись.

- Куда идти? - с тяжким вздохом спросил Салям - наверняка на столе оставался недоеденный бутерброд с его любимой колбасой, и он уже переживал «расставание».

- Куда угодно! - процедила Мурка. - Быстро давай!

- То не торопись, то быстро. - Недовольно проворчал Салям.

Хлопнула дверь, Салям сбежал с крыльца и спорым шагом двинулся прочь. Мурка была уверена, что сейчас мотор мерседеса заурчит и темный автомобиль неторопливо двинется следом.

- Салям ничего не сделают? - нервным шепотом спросила Кисонька, снова выглядывая из-за угла.

- Пусть только попробуют, Салям сам кому хочешь сделает! - уверенно ответила Мурка. - А мы поглядим, кто тут крутится...

Салям скрылся за поворотом. Ну вот сейчас!

Темный мерседес не двинулся с места, исходящее от него ощущение напряженного внимания никуда не делось. Мурка набрала номер Саляма.

- Ты где?

- В супермаркете. - Сообщил тот.

Ясно, раз уж его сорвали с насиженного места, отправился пополнить запас продуктов!

- Ты... - Мурка замялась, сама не очень понимая, что спрашивать. - Ничего необычного не заметил?

- Колбаска новая, необычная, с сырной и с грибной прослойкой. Вот думаю, попробовать?

- За тобой никто не следил? - напряженно переспросила Мурка.

- Ну и как я, по-твоему, узнаю - следят за мной или нет? - поинтересовался тот, кого в их городе считали великим, почти гениальным сыщиком. В голосе его звучало оскорбленное достоинство.

- Может, на тебя кто-нибудь смотрит? Подозрительно? - предположила Мурка.

- Продавщица на меня смотрит. - Немедленно сообщил Салям. - Действительно, очень подозрительно! Хочешь, я заставлю ее сказать, кто ее подослал?

- Не надо! - испугалась Мурка.

- Тогда я просто колбасы куплю. - Покладисто согласился Салям.

- На Саляма не отреагировали. - Пробормотала Мурка. - В офис влезть не пытаются. Если бы не Вадькины экзамены, он бы номер машины по базе данных пробил. Один только вред от экзаменов! - с досадой заключила она.

- Вдруг этот мерс просто так стоит? - засомневалась Кисонька.

- Надо доверять своему чутью! - наставительно сказала Мурка и сморщила нос, точно и впрямь принимавшаяся к подозрительному мерседесу. - Попробуем по-другому... - она вытащила из рюкзака крохотный арбалетик с pistolетной рукояткой, мгновенным, совершенно кошачьим движением выскользнула из-за угла. Щелкнул курок, и Мурка нырнула обратно в укрытие. - Я им подсадила «жучка»! - она с торжеством извлекла из рюкзака планшетку с GPS. - Сядем в кафешке и посмотрим, сколько они перед нашим офисом проторчат, и куда потом поедут!

Поглядывая на экран GPS, Мурка двинулась прочь от офиса.

- Стоит? - переспросила Кисонька - молчать было скучно.

- Стоит... - кивнула Мурка и тут же остановилась. - Стоп! То есть, не стоп, а наоборот - поехал!

Девчонки обернулись. Ушли они недалеко и из переулка отчетливо слышался шум работающего мотора. Обе напряженно уставились на поворот, уверенные, что сейчас оттуда высунется капот темного мерса. Не высунулся. Мурка покосилась на GPS.

- На соседнюю улицу повернул. - Странно чужим голосом сказала она. Ей было неловко, но страх, глупый и непонятный, кусал за сердце острыми холодными зубками. Словно не обычная машина стояла рядом с их офисом, а что-то чуждое и опасное, лишь принявшее вид машины, и против него не поможет ни удар ногой в голову, ни доработка в корпус - ничего из того, на что Мурка привыкла полагаться в жизни. Она нервно перевела дух - ну что за дурь в голову лезет! Это все после экзаменов! Быстрым и чересчур решительным шагом она направилась дальше по улице.

- Мы куда? - непривычно писклявым голоском спросила Кисонька.

Тоже испугалась? Не может быть! Кисонька только кажется девочкой-цветочком, а по большому счету еще более отмороженная, чем сама Мурка - никаким чертом ее не напугаешь!

- Куда и собирались. - Буркнула Мурка. Испуг и злость мешались в душе, создавая странное ощущение, что ее едят изнутри. Фигня какая, ничего в этой машине особенного нет! Мурка глянула на GPS...

- Поворачивает! - заорала она. - Сейчас из того проходного двора нам наперерез выедет! - она ткнула пальцем в арку.

Улочка-то старая, узенькая, пустынная, только слепые прямоугольники офисных стеклопакетов плятятся. Удобное место, чтоб как в гангстерских фильмах: ударить автоматной очередью из окна машины и смыться задним ходом, оставив два окровавленных тела валяться посреди улицы!

Не сговариваясь, девчонки бросились обратно по проулку. Пульсирующее пятно на экране GPS перемещалось – черный мерседес выскочил на только что покинутую девчонками улицу. Развернулся – девчонки слышали визг его протекторов по асфальту. Красное пятно на GPS отвернуло в сторону: машина запетляла по проходным дворам.

– Возле офиса перехватить хочет! – хрипло бросила Мурка, цепляясь за водосточную трубу прежде, чем стремительный бег вынес ее из проулка. Старая труба заскрипела, посыпалась ржавчина, Мурку инерцией занесло к стене, она на миг увидела улицу и крыльцо их собственного офиса. Морда мерседеса выглянула из проходного двор.

– Обратно! – крикнула Мурка, толкая замешкавшуюся сестру. Девчонки повернулись и уже в третий раз помчались по проулку.

Наблюдавшая за ними из окошка ветхая бабулька почувствовала, что у нее кружится голова.

– Мало того что сами одинаковые, так еще и бегают туда-сюда! – возмутилась она, наблюдая как в вихре развевающихся рыжих волос девчонки длинными скачками несутся по тротуару. – Или это у меня в глазах двоится? А все современная молодежь! – с претензией заключила бабулька, и, шаркая тапками, удалилась пить корвалол. И уже не видела, как в проулок ворвался черный мерседес и хищно ринулся в погоню за девчонками.

Мурка кинулась через дорогу, чуть не под колеса юркому фиату. Скрежет тормозов, ругань – девчонки проскочили у затормозившего фиата «под носом» и нырнули в тот же самый проходной двор, которым недавно воспользовался черный мерседес. Мурка оглянулась на бегу. Черный мерседес вылетел из проулка на полной скорости. Ткнул в зад несчастный фиатик, того понесло юзом, он остановился, стукнувшись о припаркованную машину. Истошно заорала сигнализация.

Девчонки рванули через двор: через клумбы с уже отцветающими тюльпанами, детскую площадку с каруселью и горкой. Два рюкзака взлетели, хлопнувшись на крышу ветхого сарая. Ногой на замок, подтянуться – на крышу! Из окна дома заорали – похоже, возмущалась хозяйка сарая. Подхватить рюкзаки и снова бегом по крыше. Прыжок! Близняшки приземлились на соседний гараж –

загрохотало железо. Пронеслись по плотно примыкающим друг к другу гаражам, точно забором отделяющим один двор от другого. Кромка крыши и опять прыжок – вниз! Они очутились в соседнем дворе – строй гаражей прикрыл их от черного мерседеса. Снова бегом через двор. Что за чудо эти старые дворы, особенно если ты убегаешь! Узенький проход вдоль ветхого трехэтажного дома напоминал лисью нору – протиснуться можно только боком и только если ты худенькая спортивная девчонка 14 лет. В конце длинного темного лаза мелькнул свет и девчонки выскочили в очередной двор. Только тут Мурка осмелилась глянуть на GPS... И хриплый злобный вопль вырвался из ее груди.

Алое пятно мчалось по экрану, петляя среди проходных дворов и держась строго параллельным курсом с убегающими девчонками. Еще минута – и черный мерседес опять выскочит им наперерез!

– Что, снова назад побежим? – гневно завопила Кисонька. От собранной со стен лаза побелки ее жемчужно-серая блузка выглядела подобранной на помойке тряпкой, зато черные школьные брюки приобрели грязно-серый цвет. Можно сказать, все в тон! – Вон проходной подъезд! Делаем широкий крюк и прорываемся на проспект! И в торговый центр!

Мурка кивнула. Даже если черный мерседес и въедет за ними в торговый центр, там и завязнет, весь увешанный шмотками из ближайшей витрины и плотно окруженный разъяренными охранниками! Снова бегом и снова тормозить, едва не грянувшись всем телом о дверь. Хорошо, что они изучили проходные дворы вокруг офиса и хорошо, что на двери не домофон, а кодовый замок. Все коды Катька давным-давно выяснила у местных ребят, и теперь они хранились в памяти планшетника! Пальцы оскальзывались, будто замок смазали, кнопки оказались неожиданно тугие... Да открывайся же, ты! Мурка прижала кнопки замка еще раз...

Ничего. Ни щелчка. Еще! Ничего, только машинное масло пачкает ладонь...

– Они поменяли замок! – потерянно охнула рядом Кисонька.

Скорее, бегом из ставшего ловушкой двора!

Черный мерседес ворвался в проходной двор как вражеская кавалерия на поле боя. Не снижая скорости, пронесся по объездной дорожке – ленивые голуби

кинулись из-под колес, отчаянно хлопая крыльями. Мерседес мчался прямо на девчонок. Он казался огромным, как у грузовик, он закрывал небо, закрывал весь мир, несся на них и не думал останавливаться! Мурка ударилась спиной об запертую дверь подъезда и зажмурилась. Только одна мысль успела вспыхнуть фейерверком невыносимой боли: «Бедная мама!»

Порыв острого, злого, пахнущего бензином ветра взъерошил волосы, скрежетнули тормоза... и все стихло. Негромко курлыкнул успокоившийся голубь. Мурка приоткрыла один глаз. Мерседес был прямо перед ними, можно протянуть руку и дотронуться до разогретого капота.

«Прыгаем на капот! – сообразила Мурка. – Мы вырвемся!» И приготовилась прыгать!

Водительская дверца распахнулась. Появилась женская ножка в открытой туфле-«лодочке». Из мерседеса выбралась стройная, подтянутая, хоть и немолодая, отлично одетая женщина. Окинула прижавшихся к двери подъезда девчонок долгим взглядом...

– Ну? – визгливо-склочным голосом, так не вяжущимся с ее холеной внешностью, спросила женщина. – И кто из вас та мерзавка, что позорит моего сына?

Глава 5. Мотькина мать

Мурка мгновенно поняла, кто перед ней. Тоже еще, нашлась тайна, покрытая мраком на три слоя. На яркой кожаной сумочке женщины, как брелок, болтался меховой хвостик, а широкий шелковый шарф был на концах чуть-чуть, самую малость опушен светлым мехом.

– Члены этой семьи всегда используют себя как живую рекламу для бизнеса? – оглядев «меховые добавки» на костюмчике для мая месяца, поинтересовалась Мурка.

– Соболевы хозяйственные... как хомяки. – Меланхолично ответила Кисонька. – Все в дом, все в дом...

На лице женщины промелькнула растерянность – кажется, не на такое начало разговора она рассчитывала.

– И чего мы удирали-то? – досадливо буркнула Мурка.

– Не скажи. – Мотнула головой Кисонька. – Если б я знала, кто за нами гонится, я б вдвое быстрее бежала. Я-то думала, нас всего лишь убивать будут, а это, оказывается, Мотина мама за сыночка заступаться приехала.

– Не смей упоминать моего сына! – взвизгнула женщина. – Ты мизинца его не стоишь!

– Если мы и продадим Кисоньку, точно не за такую бесполезную в хозяйстве вещь, как Мотин мизинец. – Очень серьезно заверила Мурка. – Нам в Арабских Эмиратах еще год назад за нее десять тысяч долларов и порш предлагали! – гордо заявила она и вполголоса добавила. – До сих пор считаю, надо было соглашаться.

За что немедленно получила от сестры локтем в бок, но не обиделась. Облегчение, невыносимое, оглушающее, звенело в крови, ударяло в нос как шипучая минералка, взрывалось фонтанчиками невольного смеха. Они живы, их никто и не собирался убивать, просто ненормальная Мотина мамаша – а какая мамаша может быть у такого сыночка? Нормальная его б еще в колыбельке удавила! – приехала разбираться с Кисонькой. Вроде тех мамочек, что на песочнице грудью встают за ведерко и совочек своего малыша.

Стоп! Откуда сумасшедшая мамаша знает, что Кисоньку надо караулить под офисом «Белого гуся»? Мурка напряженно поглядела на «меховую маму». Та злобно взвизгнула:

– Не смейте переговариваться, будто меня тут нет! Смотреть на меня! А ты, девчонка, чего пялишься?

– Так смотреть или не смотреть? – вежливо уточнила Мурка.

– Мой сын тобой не интересуется, так что ты меня тоже не интересуешь! – отрезала Мотина мама. Она метнула презрительный взгляд на изгвазданные

побелкой Кисонькины брюки и блузку и скривилась. – Хотя не понимаю как моему тонкому мальчику...

Кисонька неприлично захохотала, удостоилась нового презрительного взгляда и финальной части фразы:

– Могла понравится такая... такая... – Мотина мама развела руками.

– Ой, а вы ему скажите! – умоляюще сложила руки Кисонька. – Ну что я его недостойна и вообще... Он же вас послушает, правда? Или нет? – уже без особой надежды переспросила она.

Мотина мама оставила ее слова без внимания.

– Но если он уже выбрал тебя... – она покачала головой, словно сокрушаясь: как он мог! – То ты обязана проявлять к мальчику внимание, которого он заслуживает!

– Папа категорически запретил нам его бить. – Вырвалось у Мурки.

Какой это по счету был презрительный взгляд, Мурка не помнила. Если бы брошенные Мотиной мамой презрительные взгляды были материальными, они бы уже по всему двору валялись!

– Ты кем себя возомнила, девчонка? Брюсом Ли? Сына моего она побьет! – и для разнообразия презрительный взгляд сменился презрительным фырканьем.

Как говорила Алиса, которая «В Стране чудес»: «Все страньше и страньше...». Мотина мама караулит Кисоньку под офисом, но при этом не знает, что сестры Косинские – кандидаты в мастера спорта по рукопашному бою. Не знает или прикидывается?

– Ты должна уважать Матвея! Ему всего 17 лет, а он уже снял три клипа...

– Только не надо больше про песни, в скольких институтах он учится и статьи на сайтах! – взмолилась Кисонька.

– Его весь город смотрит! – все-таки напомнила Мотина мама.

– Весь город его переключает! – отрезала Кисонька. – А кто не переключает, тот нервно ищет пульт. Но если Моте нужно мое уважение, честное слово, я согласна его уважить! Только бы отстал! Пожму руку, даже назову по имени-отчеству... Как его там, Матвей... – и Кисонька уставилась на Мотину маму, ожидая подсказки.

– Мой бывший муж не заслуживает такого талантливого сына как Матвей! – неожиданно взъярилась Мотина мама. – Он отказался организовать Матвею выступление на Запорожском телевидении, хотя ему это ничего не стоило! Ну кроме денег, конечно! Требовал, чтоб Матвей бросил творчество! Говорил, что если за песни нашего сына приходится платить нам, надо бросать, как он выразился «эту байду и заняться серьезным делом!»

Девчонки сразу преисполнились к Мотиному папе определенным уважением.

– Ну и пусть пока приходится платить! Всем приходится! – продолжала возмущаться Мотина мама. – «Талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами!» – процитировала она.

Мурка поглядела на Кисоньку вопросительно.

– Лев Озеров, поэт начала XX века. – Немедленно отрапортовала шибко грамотная Кисонька. – Наверное, единственная его строчка, которую до сих пор помнят.

– Получается, мы с тобой в чемпионки Европы выбились от большой бездарности? – возмутилась Мурка. – А те, кому подсуживать пытались, они как раз таланты, это им так помогали?

Кисонька кивнула – сестру она слушала краем уха, вместо этого с интересом внимала воплям Мотиной мамы:

– Но мой муж ничего не понял – он просто бросил нас и уехал!

Кисонька разбиралась не только в искусстве, еще она разбиралась в парнях, девчонках и их отношениях. Взрослые дядьки и тетки – это, по сути, те же парни и девчонки, только им уже можно жениться, разводиться, делить детей (хорошо если не пополам!) и имущество. А ведь муж бросил тетеньку совсем недавно! – прикинула Кисонька. Только «свежеброшенные» девчонки вот так готовы рассказывать о «подлом негодяе» каждому встречному. И бросил, похоже, из-за Моти и его талантов, которым непрерывно нужно помогать. Жалко, что поздно бросил: Запорожской области повезло, а отравить Мотиным творчеством их родной город папы еще хватило.

– Матвей творческий, ранимый человек! Отцовское предательство нанесло ему непоправимую душевную травму, и я не позволю, чтобы какая-то девчонка усугубила это страшное потрясение! – Мотина мама нависла над Кисонькой, ее глаза – безумные и страшные – оказались близко-близко. – Если ты снова обидиш-ш-шь моего мальчика, ты пожалееш-шь! Я тебя где угодно найду...

– Как в этот раз нашли? – вмешалась Мурка, уже не зная как бы так похитрее выпросить, почему Мотина мама ждала их именно возле агентства.

Очередной презрительный взгляд Мурку не впечатлил – видно, уже выработался иммунитет.

– Что вас искать! – процедила Мотина мама. – Один из моих бутиков тут, на соседней улице. Мои продавцы постоянно видят, как две одинаковые ярко-рыжие девочки забегают в проходной двор напротив! Господи, ярко-рыжая, да еще и с сестрой-близнецом! Неужели Матвей не мог найти кого-то более утонченного?

Кисонька всерьез обиделась. Она всегда считала себя девушкой очень даже утонченной. Можно сказать, тоньше нее только провод от зарядника!

– Думаете, я не видела, как вы трусливо из-за угла подглядывали? – продолжала Мотина мама, указывая на зеркальце заднего вида в своей машине.

Кисонька обиделась еще сильнее.

– А уж сообразить, куда вы удирать будете, не сложно! – с явным превосходством в голосе продолжала мама. – Я здесь каждый двор изучила,

когда помещение для магазина выбирала. – Надеюсь ты поняла, от меня не сбежать – попробовала вот только что, и не вышло! – торжествующе заключила Мотина мама. – Я всегда буду на шаг впереди тебя, а уж для своего сына что угодно сделаю! Он должен получать все, чего хочет!

– Почему? – изумилась Кисонька.

– Потому что он – мой сын! – яростно провозгласила Мотина мама. – Позвонишь ему, извинишься за свое безобразное поведение, скажешь, что ты все поняла, разобралась в своих чувствах... Чувства какой-то рыжей девчонки, вот еще новости! – брезгливо скривилась она. – И теперь просто счастлива быть его девушкой! А иначе – берегись! – Мотина мама повернулась на каблуках и шагнула к распахнутой дверце машины.

Заворчал мотор и черный мерседес отъехал, освобождая проход.

– Догадался бы Мотькин папа сбежать от жены с младенцем на руках, может, и вырос бы Мотя нормальным парнем. – Задумчиво сказала Мурка.

– Наверное, ее можно как-то... оправдать? Материнская любовь... – неуверенно промямлила Кисонька. – Вдруг Мотя в детстве много болел...

– Нельзя. – Отрезала Мурка. – Если это она Мотьку так любит, получается, наша мама, которая по улицам за твоими бойфрендами не гоняется и вместо меня противников на татами не бьет – нас не любит? Оправдать эту ненормальную тетку, значит, осудить нашу маму! И папу заодно!

Кисонька поглядела на сестру с уважением. Мурка вроде прямая, простодушная, а потом как скажет что-нибудь, и понимаешь, что прямота – вовсе не глупость, а имидж такой.

– Но уезжать надо. Все-все, в Бердянск, в Бердянск... – заключила Мурка.

– Да, меня Мотина мама тоже напугала. – Согласилась Кисонька.

– Меня она не напугала. – Решительно мотнула головой Мурка. – Меня пугает, что мы постоянно вокруг агентства светимся! Неплохо бы нам побыть от «Белого

гуся» подальше, и вообще отдохнуть от детективов, а то вон, от скандальной тетки как от убийцы драпаем!

Глава 6. С Понудельника на Вторкик

Раскаленная лава должна течь медленно, будто густое масло, но ярко-оранжевый, дышащий жаром поток катился по склону стремительно, как ручьи вдоль тротуаров после майского ливня. Лава накрывала камни, могучие валуны чернели, начинали дымиться, как края горячей бумаги, и словно таять, растворяясь клубящимся дымом. Кисонька перепрыгивала лавовые ручейки, иногда узкие, как лента, иногда широкие, как разложенный диван. Горячая земля жгла босые ноги, казалось, по ним прошлись наждаком. Черный камень истаял прямо под ногой, она едва успела перепрыгнуть на соседний. Но останавливаться нельзя, надо бежать, бежать быстро... Шуба гналась за ней!

Кисонька обернулась. Шуба была громадная, черная и гладкая, ее пошили из крысы, одной-единственной черной крысы – крысиная башка со вставленными вместо глаз стекляшками болталась капюшоном, а по краям рукавов свисали крысиные лапки со скрюченными когтями. Шуба шла через лаву, огненные потоки лизали меховой подол. Между распахнутыми полами шубы царила убийственная чернота. Кисонька знала, если шуба нагонит, навалится на плечи, застегнется на круглые, черные пуговицы с четырьмя дырочками, пустота поглотит ее. Гладкий мех забьет рот, подавляя крики, закроет глаза, залезет в нос, мешая дышать. И она будет вечно вариться в жарких душных недрах крысиного меха, растворяясь, как камни, только медленно, очень медленно...

Кисонька всхлипнула и снова побежала. Прыжок, прыжок, с камня на камень! Один оказался гладким и скользким, как лед, Кисонька зашаталась. Поток лавы выбросил гибкое, как у спрута, щупальце, она вкрадчиво обернулось вокруг щиколотки. Щупальца спутывали колени, обвивали бедра. Кисонька попыталась сорвать эти путы, и оранжевые щупальца захлестнули запястья. Темная тень упала на нее. Шуба шла прямо по лаве и рукава ее были широко распахнуты, точно она собиралась обнять. Девчонка судорожно рванулась и тут же темное, жаркое, страшное накинuloсь на нее, накрывая с головой. Она закричала, изо всей силы лягнула ногой...

...и с глухим «бум!» сверзилась с дивана.

Надежда Петровна, мама Вадьки и Катьки, стояла в паре шагов от Кисоньки будто щит, выставив перед собой покрывало.

– Я тебя укрыть хотела, ты плед сбросила... – испуганно пролепетала она.

Тяжело дышащая, мокрая, как из-под душа, Кисонька огляделась. Она сидела на полу – ноги ее плотно спутал сброшенный во сне плед. Было жарко, а жесткая шерсть царапала ступни как наждаком.

– Не надо. – Пробормотала Кисонька. – Я... Я вас лягнула? Извините, я не хотела, мне кошмар приснился.

– Ничего... – неуверенно ответила Надежда Петровна. – Это ты извини. – Она понизила голос до шепота, косясь на спящую на разложенном диване Мурку и Катьку на соседней кровати. – Я пойду завтрак делать, а вы еще можете полчаса полежать. – И она тихонько вышла.

Кисонька выпуталась из пледа, заползла обратно на диван, и тут же натянула плед себе на плечи – теперь ее била дрожь.

– Ты чего диван качаешь? – сонно пробурчала Мурка и перевернулась на другой бок. Старый диван с разболтанными пружинами закачался еще больше – прямо как море, на которое они собирались!

– Шубу во сне видела. Из крысы. – Пробурчала Кисонька.

Мурка приподняла встрепанную голову, вызвав новое качание дивана.

– Вот уедем, и все будет в порядке! – пробормотала она, пытаясь снова устроиться поудобней.

Оптимистка Мурка, верит в людей. В смысле, что люди гораздо больше хотят хорошего себе, чем плохого окружающим, и за каждым преступлением обязательно стоит выгода. Если даже человек по сути – гад, но потерять от преступления может больше, чем приобрести, то будет он сидеть тихо и никого

не беспокоить. А Кисонька за время работы в «Белом гусе» поняла, что не все измеряется деньгами. К сожалению. Есть люди, которые пакостят просто из любви к искусству, не считаясь с собственными потерями. Для Мотиной мамы люди – она сама и, конечно, ее Мотя. А все остальные появились на свет исключительно для удовлетворения желаний мамы и особенно – Моти. И любая попытка окружающих объяснить, что они, вообще-то, сами по себе, со своими планами и желаниями, вызывает у мамы искреннее негодование. Вместо того, чтоб явиться к Моте с повинной, Кисонька удрала из дому. И что теперь будет?

– Все выпались. – Зевнула Мурка. – Мы тут, родители – дома, если, конечно, Мотя поверил, что мы уехали. А то я не знаю, о чем ты думаешь! – Мурка сладко потянулась. – Что Мотина мама совершенно отмороженная и не возьмет ли она наших родителей в заложники, чтобы наказать тебя за неповиновение.

– И что? – напряженно переспросила Кисонька.

– С ума ты сходишь, Кисонька, вот что! – хладнокровно объявила Мурка. – Мотя – псих наследственный, а ты заразилась. Кто она вообще такая, эта мама, чтоб мы ее боялись?

– Чего ж мы тогда удираем? – ворчливо спросила Кисонька.

– Потому что ситуация у нас идиотская. Мотя поет тебе о любви, это ненаказуемо. Нельзя у нас как в Америке: по решению суда запретить приставучему козлу приближаться к тебе ближе, чем на сто метров! Наоборот, если мы ему в ответ на его любовь нехорошее сделаем, получим серьезные проблемы. Лучше уехать и переждать, авось Мотино неземное чувство за недельку выветрится. Или он отвлечется на что-нибудь...

– На американского продюсера, который так и не приехал в аэропорт. – Буркнула Кисонька. – Мамочка Мотю своего утешает, и ненавидит весь мир, который сговорился против ее мальчика.

– Думаю, у нее есть проблема поважнее. – Мурка зло улыбнулась. – Я попросила Вадьку сообщить номер ее машины водителю того фиата, что она стукнула. Там, помнится, еще машины побились... Не водитель, так страховщики до нее доберутся!

– Ну что вы шепчетесь! – сонно-недовольно высказалась Катька. – Спать не даете! – и, решив, что раз не дают, то и не надо, спустила ноги с кровати. Любимец и символ их детективного агентства, боевой белый гусь Евлампий Харлампиевич дрых в плетеной кошачьей корзинке возле Катькиной кровати. Сейчас он приоткрыл круглый черный глаз, поглядел на хозяйкины ноги и призадумался – то ли тоже вылезать, то ли подремать еще.

– А неплохо вчера посидели! – вспоминая вечер у компьютера и ведро попкорна, перемешанного с мамиными пирожками, улыбнулась Катька.

Мурка улыбнулась в ответ. Ночевка в чужом доме – все равно, что маленькая турпоездка. Совсем другая жизнь! В одной комнате Вадькиной «двушки» жил сам Вадька, другую делили мама с Катькой, ну и конечно Евлампием Харлампиевичем. На самом деле, с Вадькиными-Катькиными заработками в агентстве давно можно было продать эту квартиру и купить трехкомнатную, но... Как объяснить маме, откуда взялись деньги? У Вадьки хоть комната есть, вся забитая техникой, а у Катьки – только письменный стол с висящим над ним расписанием уроков. Мурка поглядела на расписание: сама б умерла – не повесила, но у Катькиной мамы не забалуешься – учет и контроль! Потом посмотрела на расписание еще раз. Сползла с качающегося дивана и подошла поближе. Заинтересованная Кисонька последовала за ней.

– Катька! – задуманным голосом поинтересовалась Мурка. – Это вот какой день недели?

– Понедельник! – возмутилась Катька. – Неприятный такой, сразу после воскресенья.

– Ага, неприятный, нудный, поэтому тут и написано – «понудельник»! – ехидно сообщила Мурка.

– Вторник тебе, видно, тоже не нравится, потому как у тебя он «вторник». – Подхватила Кисонька. – Не иначе как от английского «kick»[5 -

пинок (англ.)]*. Ногами тебя пинают по вторникам!

За «понудельником» и «вторкиком» следовала «седа», в соседней колонке красовалась «потница», за ней – «сдубота» (Мурка предположила, что это такой специальный день, чтоб грянуться с дуба), и последним шел «воскесун». Среди разнообразия совершенно новых дней недели гордо сиял «четверг», написанный без единой ошибки, даже буква «г» на конце не потерялась! Аж обидно, из четверга тоже много интересного можно соорудить!

– Ну и что? Мне ж это расписание училке не сдавать! – пожала плечами Катька.

– Катька, тебе сколько лет? – вкрадчиво поинтересовалась Кисонька.

– Одиннадцать с половиной! – сообщила Катька, явно гордясь почтенным и заслуживающим уважение возрастом.

– Ну и сколько тебе будет, когда ты писать научишься? Шестьдесят?

– Постель собирай, раз такая правильная! – решительно, а главное, очень по существу возразила Катька и запустила в Кисоньку подушкой. Они еще немножко покидались подушками втроем. Мурка счастливо улыбалась – классно-то как! И будет классно целую неделю! Они с девчонками поселятся в одной комнате, парни – в другой! Море и солнце и никаких Мотей, никаких расследований и никаких взрослых! Даже от самых лучших родителей надо иногда отдыхать.

Мурка вооружилась зубной щеткой и направилась в ванную. Евлампий Харлампиевич шлепал впереди, Мурка взялась за ручку, гусь обернулся и обдал девчонку уничтожающим взглядом.

– Ах, простите! – немедленно рассыпалась в извинениях Мурка.

Гусь подцепил дверь клювом и исчез внутри. И принялся возиться, треща перьями. Не иначе как клюв чистил.

Мурка решила пока заглянуть в Вадькину комнату. За дверью открывалась привычная картина. Несмотря на ясное утро, горела настольная лампа, и светился монитор. На столе выстроилась батарея пустых чашек, а глаза у Вадьки под очками были красные, как у перебравшего крови вампира.

– Опять всю ночь не спал? – возмутилась Мурка. – То к экзаменам готовился, теперь что?

Вадька широко, по-собачьи зевнул.

– Менауоная-Интеет-Оимпиада! – сквозь зевок прогудел он, захлопнул рот, будто муху зубами поймал, и уже связно повторил. – Международная Интернет Олимпиада по проге. По программированию. Я думал, на следующей неделе последние задачи сделаю, но раз мы уезжаем, пришлось всю ночь сидеть. Там крайний срок сдачи в четверг. – И он ткнул пальцем в прилепленную над столом желтенькую бумажку-«напоминалочку». На ней большими буквами было написано: «Последний день – червер!»

Мурка засмеялась. Четверг от семейства Тихоновых тоже не ушел!

– Хоть первое место займешь? – спросила она.

– С ума сошла – это ж международная олимпиада! Тут бы хоть в первую двадцатку войти. Лучше, конечно, в первую десятку. Ну, одно из призовых мест, это было бы, конечно, лучше всего... В общем, может, и пробьемся! – бодро закончил Вадька.

– Бездарность ты моя! – засмеялась Мурка.

– Почему? – изумился Вадька.

– Потому что пробиваешься сам. – Строго пояснила она. – А настоящий талант ждет, когда ему помогут! Ты разве не знал?

– Нет. – Помотал всклокоченной башкой Вадька. – И не понял ничего. – И снова с хрустом зевнул. – Хорошо, что ваш папа эту поездку придумал! Никаких экзаменов, и главное, никаких расследований, а то я уже звереть начал, а мама... – он невольно понизил голос, точно боялся, что Надежда Петровна подслушивает под дверь. – Мама стала задавать очень... неудобные вопросы. Я, конечно, все на лицей валю, мы там часто допоздна засиживаемся. Но честное слово, мне уже надоело ей врать! – его физиономия стала мечтательной. – Неделя без расследований – и без взрослых! А здорово ваших родителей

достало, если они вас одних отпустили! – вдруг задумчиво добавил он.

Мурка пожала плечами – должны же родители когда-то понять, что они с сестрой самостоятельные, ответственные люди и в присмотре не нуждаются!

– Ты вещи-то собрал?

– Да! – Вадька гордо кивнул на сумку с ноутбуком.

– А, пардон, плавки с футболками? – поинтересовалась Мурка.

Вадькина физиономия стала растерянной:

– Я сейчас чего-нибудь... – он распахнул шкаф и близоруко уставился в его недра. – Только я не пойму, где тут что...

– Пойду твою маму позову. – Вздохнула Мурка.

– Не надо, я сам! – вскинулся Вадька.

– Ты вон, спишь на ходу! – отмахнулась Мурка.

– Я не на ходу, я... на стою! – сквозь душераздирающий зевок пробубнил Вадька, действительно стоявший у шкафа.

Мурка отправилась на кухню, просить маму одного взрослого человека собрать ему в дорогу носки и трусы.

На кухне весело свистел чайник, и шкворчала яичница под тертым сыром – со старым луком, молодой зеленью и черными гренками.

– Мой сыночек опять в Интернете всю ночь торчал, а теперь глаза продрать не может? – поинтересовалась Вадькина мама, ловко расставляя тарелки, наливая чай и нарезаая хлеб – кажется, все одновременно.

– Не ругайте его, он программу для Олимпиады писал! – горячо вступилась Мурка.

– А можно, я его еще лет пять-шесть поругаю, а уже потом передам тебе в полное владение? – съехидничала Вадькина мама.

Мурка смутилась. Надежда Петровна захихикала совершенно в Катькином стиле. А они еще гадали, в кого малая такая вредная!

– Если бы я полагалась на своего сына, он бы спал в ноутбуке, ел свой ноутбук и на пляж вышел, прикрываясь ноутбуком! Я давно все собрала! – Надежда Петровна кивнула на торчащий в углу кухни толстый, слегка потертый чемодан.

Обычно если Вадька куда-то ехал, так с рюкзаком. Надежда Петровна собрала Катькины и Вадькины вещи вместе? Это же неудобно! Они же в разных комнатах будут жить, пока шмотки поделят, замаяться!

– Зови Вадьку завтракать, вот-вот машина придет, мне твой папа звонил. – Велела Надежда Петровна.

– Как у них там ночь прошла? – торопливо спросила Мурка.

– Тихо. – Осведомленная о Кисонькиных проблемах Надежда Петровна пожала плечами. – Вы сказали этому певуну, что уезжаете? – в ее голосе звучало неодобрение – никто в городе не одобрял Матвея Соболева.

– Нет, конечно! – немедленно отреклась от такой глупости Мурка.

– Ну, не знаю... Зови Вадьку!

Мурка вернулась в комнату. Компьютер пищал выпавшим из гнезда птенцом. Вадька сладко спал, улегшись щекой на клавиатуру. Мурка отключила комп, подняла Вадьку и вытолкала на кухню. Там он засунул за щеку хлеб с маслом, наколол кусок яичницы на вилку и задремал над ней. Внизу забибикала машина. Катька выскочила на балкон и тут же метнулась обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Собинов Леонид Витальевич (1872 —1934) – оперный певец (лирический тенор), один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

2

Привет, Кисонька! Ты не писала так долго, я скучал! (англ.)

3

Спасибо, Большой Босс, все чудесно! (англ.)

4

Что ты ему сказал? (англ.)

5

пинок (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/volynskaya_ilona/konec-sveta-otmenyaetsya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)